

ВЕРШИНИН Е. В.

БЕЛОМЕСТНЫЕ КАЗАКИ ЗАУРАЛЬЯ В XVII в.

Среди сибирских служилых людей «по выбору» XVII — начала XVIII вв. отдельную группу составляли беломестные казаки. В специальной сибироведческой литературе какого-либо серьезного внимания беломестным казакам не уделялось. Одна из причин этого заключается, возможно, в том, что по сравнению со служилыми людьми сибирских гарнизонов они были довольно малочисленны. Однако основным мотивом невнимания исследователей к беломестным казакам является, видимо, другое. В большей степени, чем все остальные группы служилых людей «по прибору», они отразили общую для всех групп двойственность положения в социальной структуре общества XVII в. Близкие по хозяйственным занятиям и образу жизни к крестьянскому населению, для защиты которого они размещались в пограничных слободах и острогах, беломестные казаки вызывают определенный скепсис у историков военно-служилого сословия. Подтверждением тому служит и новейшая монография Н. И. Никитина [1], в которой характеристике беломестных казаков не уделено ни одной страницы.

Интерес историков-аграрников к беломестным казакам как к некрестьянскому населению, занятому земледелием, способствовал односторонней оценке этой группы служилых людей. Крайнюю точку зрения по отождествлению беломестных казаков с крестьянами выразили Н. А. Лапин и А. А. Кондрашенков. Первый определил беломестных казаков как «военно-обязанные категории крестьянства» [2]; второй писал, что они «по сути дела были крестьянами, но обязанными военной службой» [3]. Нам ближе другое мнение, высказанное Н. И. Никитиным, который считает, что «беломестные казаки и поселенные драгуны при всей близости к крестьянам составляли особую социальную группу, были представителями служилых людей по прибору» [4]. Нам представляется, что крестьянское происхождение и земледельческие занятия беломестных казаков не являются еще до-

статочными аргументами для отождествления их с крестьянами. Формально-юридические особенности социального статуса служилых людей и черты их корпоративной психологии проводили отчетливую грань между ними и податными группами населения. Как показали, в частности, исследования А. Л. Станиславского, усвоение выходцами из тяглых и зависимых групп населения иных сословных интересов и психологии (в данном случае — «вольного» казачества) происходило очень быстро [5].

Хорошо известно, что земледельческая колонизация Западной Сибири как бы «сползала» в южном направлении в течение XVII в. Темпы ее продвижения во многом зависели от наличия или отсутствия вооруженных конфликтов с кочевыми соседями, степени напряженности в пограничных этноконтактных зонах.

В связи со сказанным нельзя не отметить одного парадокса, который обнаруживается при изучении «военной» стороны колонизации. Источники русского происхождения свидетельствуют, что в подавляющем большинстве случаев нет прямых столкновений русского населения и кочевников: речь идет об обороне слобод и поселений. Этот несомненный факт необходимо увязать с другим несомненным фактом — продвижением в течение XVII в. зоны русской колонизации на юг по р. Пышме, Исети, Миассу, Тоболу. И продвижение это, насколько нам известно, не сопровождалось организацией крупных походов правительственных войск, захватом уже занятых территорий и целенаправленным сгоном с них местного населения. Нам необходимо остановиться на этом вопросе, так как именно с ним связана в первую очередь история беломестных казаков.

Точное время появления беломестных казаков в зауральских слободах в исторической литературе не отмечено. А. А. Дмитриев писал, что «постоянное войско» из беломестных казаков появилось «около середины XVII века» [6]. Точнее на время их появления указала Э. Я. Бояршинова, отметившая, что «в Верхотурско-Тобольском районе с 1640-х гг. при формировании денежнооброчных слобод приказчики... привлекали на поселение наряду с крестьянами и беломестных казаков» [7]. Судя по известным нам документам, беломестные казаки как особая группа служилых людей появилась действительно на рубеже 30—40-х гг. XVII в.

Причину образования в это время постоянного служилого элемента в населении слобод можно связать с двумя обстоятельствами. Во-первых, с середины 20-х гг. началось активное строительство слобод по р. Нейве, Нице, Режу. Во-вторых, с 30-х гг. широкий размах приобретают набеги калмыков и татар на поселения Верхотурского и Тюменского уездов. Местная русская администрация не могла не учитывать угрожающих заявлений,

вроде тех, какие были сделаны двумя татарскими царевичами, потомками Кучума. Осенью 1634 г. они со «многими калмыцкими людьми» совершили набег под Тюмень «и пошед от города похралялись приходить на слободы войною» [8].

В нашем распоряжении есть интересный источник, который дает сведения о системе защиты зауральских слобод и острогов к началу 40-х гг. Это довольно обширный доклад, составленный в Сибирском приказе в 1642 г. и подводющий итоги развития земледелия в данном районе. В крупные слободы в это время из уездных центров направлялись служилые люди — годовальщики. Так, из Тобольска в Чубаровскую, Киргинскую, Верхне- и Нижненицынскую слободы посылалось по 10 чел. Кроме того, в трех из них находились по 10 стрельцов из Тюмени [9]. Впрочем, этот порядок не обязательно повторялся из года в год. В 1638 г. в Чубаровской слободе размещалось 20 чел. из тюменских служилых людей и четыре из туринских. А в 1640 г. приказчик этой же слободы запрашивал воеводу Туринска, почему оттуда перестали присылать 5 стрельцов, сменяемых до того каждый месяц [10]. В Невьянском остроге и Ощепкове в слободе находилось по 20 стрельцов с Верхотурья, а по «вестям», то есть в случае опасности, посылалось и больше. Резюмируя раздел о защите слобод, автор упомянутого доклада отметил: «А без служилых людей во всех тех слободах для обереганья от калмыцких людей некоторыми мерами быть не уметь» [11].

Еще лучше это должны были знать представители сибирской администрации. Нам неизвестно, кто из сибирских администраторов является автором идеи о постоянном поселении в слободах служилых людей, получивших название беломестных казаков. Сама идея возникла, безусловно, из практики защиты юго-восточных рубежей европейской части России.

В 1634 г. приказчику Нижненицынской слободы было указано приобретать из гулящих людей в конные казаки 10 чел. [12]. Это, видимо, те казаки, которые упоминаются и в докладе 1642 г. Там сказано, что помимо годовальщиков в трех слободах (Чубаровской, Верхне- и Нижненицынской) устроено «конных жилецких казаков» по 10 чел. «Жилецкие» казаки, то есть постоянно проживающие в слободах, появились чуть раньше беломестных и отличались от последних тем, что им выдавалось денежное жалование [13]. Нижненицынским конным казакам приказчик при их приборе обещал 4, 5 руб. в год на человека, пашни по 4 дес. в поле и сенных покосов по 80 копен [14].

К сожалению, мы не располагаем полными данными о начальном этапе прибора беломестных казаков. Известно, что в той же Нижненицынской слободе в 1640 г. к конным казакам прибавилось 10 беломестных. В 1645 г. в Киргинской слободе

проживали 10 конных и 10 беломестных казаков [15]. В 1646 г. верхотурского боярского сына А. Буженинова отпустили в Невьянскую слободу приказчиком над пашенными крестьянами и беломестными казаками. В этом же году слободчик П. Ощепков прибирал беломестных казаков в новую Усть-Ирбитскую слободу [16]. Все это свидетельствует, что беломестные казаки стали заметным явлением в зауральских слободах именно с начала 40-х гг.

Условия прибора и службы беломестных казаков не вызывают споров: они служили с пашни, не имея ни хлебного, ни денежного жалования. Оружие, порох и свинец они получали из казны (а иногда и деньги на приобретение коня). Условия прибора и размер отводимых пашен могли варьироваться [17].

Комплектование беломестных казаков с самого начала происходило за счет «вольных гулящих людей». Для зачисления в казаки надо было подать челобитную и в случае положительного решения вопроса найти поручителей, скреплявших поручную запись. Обычно в их роли выступали другие беломестные казаки. Поручная запись в общем виде определяла обязанности новоявленных служилых людей: «не учинять корысть» во время служебных посылок, построить в слободе двор и не отлучаться из нее без разрешения приказчика» [18].

«Обельное» положение казаков было, безусловно, привлекательным для какой-то части местных крестьян. Во второй половине XVII в. воеводская администрация неоднократно требовала соблюдения правила: «из пашенных крестьян в беломестные казаки, а казаков во крестьяне не верстать». Необходимость в постоянном напоминании данного правила диктовалась, видимо, частыми его нарушениями. Численность и военную организацию беломестных казаков целесообразно рассматривать, учитывая различные этапы их истории.

С 1640-х гг. до 1668—1670 гг. (в эти годы в Тобольске на воеводстве находился П. И. Годунов, реорганизовавший состав войск Тобольского разряда) сведения о численности беломестных казаков имеются только по отдельным слободам. Единого центра подчинения у них не было, они находились в ведении приказчиков и слободчиков. Традиционная организация казачьего служилого «войска» вследствие малочисленных беломестных казаков заметно слабее, хотя показателен такой пример. В 1661 г. приказчик Катайского острога сообщал на Верхотурье о некоем А. Липине, который «называется атаманом казачьим катайских беломестных казаков, а приходит ко мне в острог большим невежеством и шумом и на казаков мечется с ослопы, а называет себе их полчанами». Липин имел возле Катайского острога свою

деревню и пашни в нескольких местах, хотя его имени почему-то не оказалось в «кликном списке» приказчика [19].

При тобольском воеводе П. И. Годунове начался массовый перевод беломестных казаков в так называемые поселенные драгуны. Грандиозные планы Годунова по обороне Западной Сибири включали создание засечной черты (общая длина около 470 верст) и размещение вдоль нее драгунского полка, который Годунов начал формировать заново из имеющихся контингентов служилых людей. Военные планы воеводы остались далеки от завершения: засечная черта не была построена, драгун вместо 1200 удалось набрать только 730 чел. Реально последних оказалось еще меньше; в 1671 г. сын боярский С. Блудов обнаружил в зауральских слободах всего 438 драгун [20].

Беломестные казаки переходить в драгуны не желали. Годунов, в частности, указал перевести 72 казака из Верхотурского уезда на Исеть. Однако «те беломестные казаки из верхотуринских слобод в исетские остроги не выехали» [21]. В 1668 г. жаловались на перевод в драгуны казаки Катайского острога. Это сопротивление переходу в поселенные драгуны не совсем понятно. По условиям службы и те и другие были близки друг другу. Драгунам в первые годы после реформы Годунова планировалась даже выдача денежного жалования. Скорее всего, казаки связывали с драгунским полком службу «строем», которую не умели и не хотели нести. Во-вторых, перевод в драгуны часто означал для казаков перемену места жительства: на новом месте надо было опять строить дворы и распахивать земли. Недаром в указе 1679 г. верхотурскому и туринскому воеводам предписывалось при подобных переводах не переселять беломестных казаков в другие места, «а велеть им быть в драгунах, где они жили» [22].

Прибор беломестных казаков после Годунова не прекратился. До конца XVII в. они существовали параллельно с поселенными драгунами, выполняя по существу одни и те же функции с последними. Переход части беломестных казаков в драгуны формально сократил их численность. С другой стороны, активное строительство в последней трети XVII в. слобод по Исети, Тоболу, Миассу способствовало прибору новых казаков. Надо думать, общее число беломестных казаков Зауралья достигло к концу XVII в. 300—400 чел.

К концу столетия наметились изменения в военной организации беломестных казаков. Для слобод, расположенных по Исети, с 1689 г. учреждалась должность головы беломестных казаков. Он назначался из Тобольска, жил в Исетском остроге и имел полное право распоряжаться казаками других острогов [23].

В 1698 г. беломестные казаки Зауралья подали на имя царя челобитную, в которой жаловались на тяжесть военной службы и указывали, что без денежного жалованья, «с одной земли», дальше служить невозможно. В ответном царском указе повелевалось создать из беломестных казаков драгунский полк, то есть фактически завершить реформу, начатую П. И. Годуновым. Будущим драгунам должны были платить денежное, хлебное и соляное жалованье, но количество их земель сокращалось до 2 дес. на человека. Кроме того, им запрещалось самим обрабатывать земли [24]. Это было началом конца существования беломестных казаков как отдельной группы служилых людей. Перепись 1710 г. обнаружила в Тобольском уезде 1025 драгунских и солдатских дворов и всего 83 двора беломестных казаков.

После проведения первой ревизии остатки беломестных казаков растворились в других, в основном податных, группах населения. Часть казаков и драгун, войдя в состав приписной деревни, стала источником кадров для уральских заводов [25].

В условиях XVII в. беломестные казаки и поселенные драгуны являлись предшественниками пограничных сибирских казаков (линейных, в частности) следующего столетия, хотя полной аналогии здесь провести, конечно, нельзя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988.
2. Лапин Н. А. Слобода Царево городище в XVII столетии // Уч. зап. Курган, пед. ин-та. Вып. 4. 1962. С. 14.
3. Кондрашенков А. А. Русская колонизация Зауралья в XVII — XVIII веках // Уч. зап. Курган, пед. ин-та. Вып. 6. 1964. С. 3—39.
4. Никитин Н. И. Указ. соч. С. 15.
5. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 36.
6. Дмитриев А. Пермская старина. Вып. 7. Пермь, 1897 г. С. 80.
7. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 131.
8. Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 416—417.
9. ЦГАДА. Ф. 214. Стб. 1673. Л. 37.
10. Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 449, 470—471.
11. ЦГАДА. Ф. 214. Стб. 1673. Л. 38.
12. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 48.
13. ЦГАДА. Ф. 214. Стб. 1673. Л. 37.
14. Буцинский П. Н. Указ. соч. С. 74.
15. Там же. С. 52.
16. Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 514—515.
17. Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1955. С. 279; Кондрашенков А. А. Указ. соч. С. 67.

18. **Дмитриев А. А.** Пермская старина. Вып. 8. Пермь, 1900. С. 145—147.
19. ЦГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 139. Л. 11.
20. Там же. Ф. 214. Стб. 100. Л. 36.
21. Там же. Л. 51.
22. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1859. Т. 7. С. 352.
23. ЦГАДА. Ф. 214. Стб. 100. Л. 236.
24. **Кондрашенков А. А.** Указ. соч. С. 67—68.
25. **Пихоя Р. Г.** К истории приписной деревни Урала в начале XVIII в. // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1988. С. 67—70.